

Веб-журнал "Европейская Афиша" №7 13/07/2013– www.afficha.info

«Восславим чудаков».

Екатерина Богопольская

Для Органс Аршамбо и Венсена Бодрийе это последний Авиньон – с будущего года директором фестиваля станет Оливье Пи. Словно в пику всем, кто на протяжении всех этих лет критиковал их за приверженность визуальному невербальному театру, дуэт директоров заканчивают свой 10-летний мандат, напоследок обратившись к театру слова. Ассоциированные артисты, или арт-директора 67-го Авиньонского фестиваля, француз Станислас Нордей и конголезец Дьедонне Ньянгуна оба актеры-режиссеры (Ньянгуна еще и драматург), оба объединены верой в театр слова. Есть также общая для обоих художников тема – «одиночество перед лицом смерти, ярость перед современным состоянием мира». В процессе совместной работы выяснилась еще одна тайная связь между ними: оказалось, что один из прадедов Нордея по материнской линии - конголезец.

Photo Ilka Cramer

Органс Аршамбо и Венсен Бодрийе
перед зданием «Фабрики».

Фестиваль открылся спектаклем Станисласа Нордея «По деревням» на сцене Папского замка, и «Шеда» Дьеденно Ньянгуна - в карьере Бульбон. С личностью арт-директора связана другая особенность фестиваля – впервые Авиньон обратил свой взгляд в сторону Африки. Несколько африканских трупп и африканских авторов, но также

театральные проекты, в которых о Черном континенте рассказывают европейцы. Третья особенность – в Авиньон в этом году приедут все те, кто были ассоциированными директорами фестиваля за 10 лет, чтобы сыграть один спектакль, часто придуманный специально для этого случая: Жан Фабр, Кристоф Марталер, Томас Остермайер, Ромео Кастеллуччи, Важди Муавад, Фредерик Фисбах, Жозеф Надж и другие.

Итог десятилетия Аршамбо –Бодрийе скорее позитивный, хотя нельзя не упрекнуть их в некоторой пристрастности к определённым формам театра и кругу режиссеров, из которых оказалась практически выброшена Россия и Восточноевропейский театр (исключение – Анатолий Васильев, но он работал тогда во Франции, и Кристоф Варликовский). Блестящая придумка - приглашать каждый год новых ассоциированных директоров, что позволило смотреть на театр глазами таких разных мастеров, как Ромео Кастеллуччи и Кристоф Марталер. «Для нас Авиньон был не витриной, а лабораторией», - говорят о своем десятилетии Венсен Бодрийе и Ортанс Аршамбо, и это главный позитивный опыт, который и зрители, и артисты вынесли из их руководства фестивалем. Фестиваль бывал разным, но всегда живым, никого не оставляющим равнодушными: вспомнилось, как в девяностые годы Авиньонский фестиваль часто упрекали в том, что он превратился в банальную ярмарку театра.

И еще. В качестве завещания дуэт оставил «Фабрику» (FabricA) – новое здание для репетиций, которого так не хватало Авиньонскому фестивалю. Квадратная конструкция из стекла, бетона и дерева, построенная в отдаленном пролетарском районе за пределами исторической крепостной стены, вмещает сцену, которая вместе со зрительным залом точно повторяет размеры Парадного Двора Папского Замка, подсобные помещения для декораций и резиденции для приглашенных трупп. Архитектурный ансамбль «Фабрики» создан архитектором Марией Годлевской с оглядкой на типичный авиньонский монастырь, организованный вокруг внутреннего двора. (Стоимость совместного проекта Министерства культуры и муниципалитета - 10 миллионов евро). Открыли новую сцену знаковым спектаклем для всей европейской цивилизации - восьмичасовым «Фаустом» Гете в постановке Николаса Штеманна (театр Thalia из Гамбурга).

Photo Christophe Raynaud de Lage

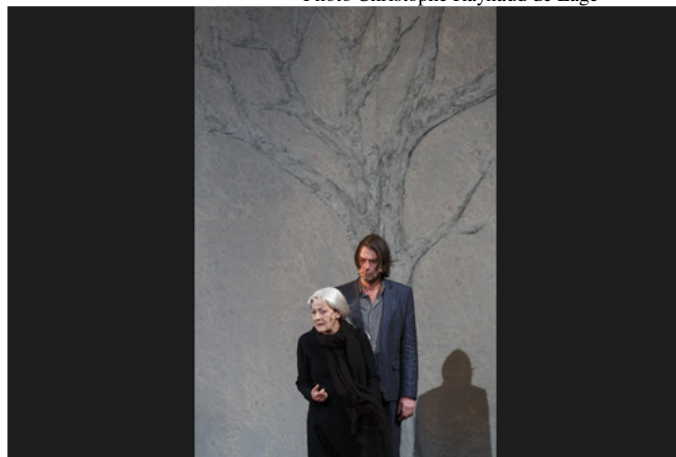
С.Нордей и Д.Ньянгуна

Станислас Нордей (р.1966), знаковая фигура для современного французского театра, любит выстраивать свои спектакли как манифест. То, что можно назвать манифест

поколения. В этом смысле спектакль «По деревьям» не исключение. «Мне совсем не хотелось рассказывать историю пап и королей, для меня важнее было дать слово тем, кого театр обычно обходит вниманием, тем, о которых Хандке говорит, мы - эксплуатируемые, униженные и оскорбленные, соль земли». У Нордея всегда особая, интимная связь с текстом - пьеса Хандке, которую он называет самой прекрасной из всего написанного за последние десятилетия, была для него в течение многих лет настольной книгой: живущий во Франции австрийский прозаик и драматург Петер Хандке (р.1942) давно стал культовым автором для нескольких поколений европейцев. Притча «По деревьям» - часть тетралогии («Медленное возвращение домой», «Учение горы Сент-Виктуар» и «Детская история») была написана в 1981 году и тогда же впервые поставлена в Зальцбурге другом и единомышленником Хандке, Вимом Вендерсом (другой их совместный опыт, знаменитый фильм «Небо над Берлином» (во французском прокате, «Les ailes de désir»). Во Франции пьесу поставил Клод Режи. И все. Потому что «По деревьям»- драматическая поэма, высоким библейским слогом пытающаяся объять все проблемы современной западной цивилизации (и не только), с точки зрения сценической абсолютно невозможная, так как состоит из разрозненных, мало связанных между собой монологов. Вообще, объектом театра становится сам язык.

Завязка пьесы, вполне банальная, начинается с монолога Грегора (Лоран Соваж), который сообщает, что после смерти родителей дом с землей должен был отойти ему, как старшему сыну. Но он получил от младшего брата письмо с просьбой отказаться от своей доли наследства: тогда заложив дом, их сестра смогла бы открыть свое дело. Грегор-писатель, рафинированный интеллигент, младший брат – рабочий на стройке, сестра - служащая в магазине. Так конфликт между ними становится еще и конфликтом между разными социальными группами, потом между всей современной цивилизацией, которой оказывается не нужен дом – «творение родителей», и наследием отцов. Далее следует меланхолическое размышление о том, как исчезает весь вековой строй жизни, уступая место безликой серой уравнивающей власти денег, как классовая борьба уступает место отчаянному индивидуализму и т.д. Но все не сводимо к критике современной цивилизации, потому что в мире Хандке быт трактуется как бытие.

Photo Christophe Raynaud de Lage

Вероник Нордей, Лоран Соваж

«Я вижу, как на каждом, даже самом неприметном доме труженика в самой захолустной деревне сверкают вывески фирм и банков и каждый дом на фоне пейзажа выглядит предприятием, а вокруг домов-предприятий – никакой местности, - говорит Грегор. – Я не вижу больше никаких дорог и никакого выхода к открытым пространствам. Я вижу собственную безответственность и предательство. Теперь я знаю, я ничем не могу помочь моим ближним, – не могу помочь никому. Я могу только сохранить. И этого я

добьюсь любой ценой: сохранить! Лучше всего не отвечать на письмо и остаться здесь с тем единственным, чему я еще могу хранить верность: моей работе». Достоинство в работе, какой бы она не была, об этом же говорит рабочий Ганс: эту роль взял себе сам Нордей, наполнив собственной страстью, собственной непримиримостью. Ганс у него не просто работяга, но по-своему поэт, о нем можно сказать словами Хандке «Восславим чудаков».

Конфронтация между Грегором, Гансом и сестрой их Софи (Эммануэль Беар) и составляет фабулу. Здесь каждый защищает свою правду, и каждый констатирует общий упадок человечества.

Нордей говорит, что сама особая сцена Парадного Двора ему безразлична, для него была важна редкая в драматическом театре возможность высказаться о наболевшем, интимном перед зрительным залом в 2000 мест. Он сознательно выбрал для сцены Папского замка драматическую поэму, изначально чуждую зрелищности.

Станислас Нордей хотел Театр Слова, получился просто литературный театр, за исключением нескольких эпизодов, со сцены произносили поэтический текст, иногда красиво и внятно втягиваясь в тон поэме Хандке, иногда не очень – зрелищного, сценического эквивалента языковым метафорам не нашли.

Photo Christophe Raynaud de Lage

Жанн Балибар, Лоран Соваж

В первом действии на сцене 8 голубых фургончиков строительных рабочих, на фоне которых буду читаться монологи. У авансены музыкант с электрогитарой. (Весь спектакль идет под аккомпанемент электрогитары, то едва слышной, как фон к поэме, то нестерпимо, невыносимо громкой, как бы вобравшей в себя всю какофонию мира).

Во втором действии, происходящем у деревенского кладбища, на сцене белая полукруглая стена, на которой прорисованы контуры деревьев. На фоне средневековых камней замка сценография эта какая-то мелкая, банальная – возможно, на другой сцене мы сказали бы, минималистская декорация, позволяющая сосредоточиться на поэтическом слове, но здесь все особое. Актеры, застывшие в фронтальных мизансценах, произносят, всегда в зал, огромные монологи – поэмы о сущности мира и бытия, для которых сценическое действие как таковое лишь виньетка. (Некоторые монологи длятся по 20-25 минут). Магия места, которая обычно превращает спектакль на этих подмостках в особое действо, здесь сыграла прямо наоборот – спектакль потонул в пространстве Парадного Двора, было невыносимо скучно. Впервые я открыла для себя, что в башнях замка живут стрижи, и наблюдать за их полетом над сценой, было интереснее, чем смотреть на

происходящее. («По деревням» длится больше четырех часов). Да и смотреть было незачем - можно было просто слушать. После антракта осталась ползала.

Photo Christophe Raynaud de Lage

Эммануэль Беар, Станислас Нордей

И это несмотря на то, что в спектакле собрана редкостная по уровню труппа. Лоран Соваж, постоянный актер и своего альтер эго Нордей. Комендантшу рабочих барачков сыграла Анн Мерсье: получилась этакая яркая французская матушка Кураж, из тех женщин из народа, что за словом в карман не полезут и в обиду себя не дадут. Великолепную трагическую мелодию вносит Вероник Нордей: ее Старая Женщина внутренней мощью и высоким накалом скупых надбытовых эмоций напоминала о Хоре греческой трагедии. Даже Эммануэль Беар в роли Софи находит точную ноту. В эту компанию актеров, с которыми постоянно работает Нордей, добавилась Жанн Балибар - актриса интеллектуального поэтического театра по преимуществу. Но здесь с ней случилась странная вещь. У Хантке символическая фигура женщины со значимым именем Нова – своего рода богиня, или «дух Нового времени», как называет она себя в пьесе. Нова обращается к заблудившемуся человечеству с посланием сразу после заключительных слов Ганса «Какое одинокое человечество. Покинутое. Брошенное»: «Люди, живущие сейчас, открывайте друг в друге богов. Держитесь неба, доверяйте своему кипучему сердцу» Балибар произносила текст Новы стертым голосом, быстро, почти нечленораздельно. Режиссер, видимо, добивался от нее бесстрастности, но вместе с пафосом ушел смысл. Здесь совершенно непонятно, не только кто она, Нова, но вообще весь монолог оказывается какой-то дидактичной привеской к тексту пьесы, не более. Причем, заметьте, монолог длится 40 минут! С трудом улавливаю в общем потоке слов мысль о спасительной роли искусства, которую выделял Нордей, объясняя свой замысел: «Только народ творцов, каждый на своем месте, может быть и радоваться, как дети».

Проблема в том, что играть на сцене Папского замка Авиньона, и абстрагироваться от нее – не самая удачная режиссерская идея.